

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog, 13(8), 2024]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Информация для цитирования:

Лихачева Е. С. Субстантивация прилагательных и словообразовательная синонимия в архангельских говорах / Е. С. Лихачева // Научный диалог. — 2024. — Т. 13. — № 8. — С. 78—96. — DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-78-96.

Likhacheva, E. S. (2024). Substantivation of Adjectives and Derivational Synonymy in Arkhangelsk Dialects. *Nauchnyi dialog*, 13 (8): 78-96. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-78-96. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Субстантивация прилагательных и словообразовательная синонимия в архангельских говорах

Лихачева Елизавета Сергеевна

orcid.org/0000-0003-4174-8181

кандидат филологических наук, эксперт
отдела планирования и сопровождения
научных исследований
научно-исследовательского управления
liza.lihachyowa@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный
университет имени М. В. Ломоносова
(Архангельск, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 23-28-01380 «Тематический
словарь архангельских говоров
с электронной поддержкой»

Substantivation of Adjectives and Derivational Synonymy in Arkhangelsk Dialects

Elizaveta S. Likhacheva

orcid.org/0000-0003-4174-8181

PhD in Philology, Expert,
Department of Planning and Support
of Scientific Research
of Research Management Department
liza.lihachyowa@yandex.ru

Northern (Arctic)
Federal University
named after M. V. Lomonosov
(Arkhangelsk, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 23-28-01380
“Thematic Dictionary of Arkhangelsk
Dialects with Electronic Support”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена некоторым словообразовательным процессам, наблюдаемым в лексико-семантической группе «Пища» архангельских говоров. В статье приводится диалектный материал, собранный в многочисленных диалектологических экспедициях и хранящийся в картотеке кафедры русского языка и речевой культуры Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации САФУ имени М. В. Ломоносова. Исследование показывает, что в лексике архангельских говоров, связанной с пищей, субстантивация прилагательных не находит широкого распространения и представлена в основном в тематической группе «Выпечка»; рассмотренные примеры субстантивации, тем не менее, характеризуются завершенностью процесса, а образовавшиеся субстантиваты — устойчивым закреплением в говорах. Кроме того, в лексико-семантической группе «Пища» обнаруживаются многочисленные примеры словообразовательной синонимии. В статье рассматриваются два подобных примера — синонимические ряды существительных, обозначающих мелкую сушёную рыбу и блюдо из творога с толком. Выясняется, что в архангельских говорах находят отражение такие характерные для русских диалектов явления, как развитая суффиксация, родовой и числовой параллелизм, образование существительных с собирательным значением. Эти процессы обеспечивают богатство словообразовательной синонимии, отсутствующей в рамках русского литературного языка.

Ключевые слова:

диалектология; севернорусские говоры; архангельские говоры; субстантивация прилагательных; словообразовательная синонимия; суффиксация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This article focuses on certain word formation processes observed within the lexical-semantic group “Food” in Arkhangelsk dialects. The study presents dialectal material collected during numerous dialectological expeditions and preserved in the archive of the Department of Russian Language and Speech Culture at the Northern (Arctic) Federal University. The research demonstrates that in the vocabulary of Arkhangelsk dialects related to food, the substantivation of adjectives is not widely prevalent and is primarily represented in the thematic group “Baking.” However, the examples of substantivation discussed are characterized by the completion of the process, with the resulting substantives firmly established in the dialects. Additionally, numerous instances of derivational synonymy are found within the lexical-semantic group “Food.” The article examines two such examples: synonymic series of nouns denoting small dried fish and a dish made from cottage cheese with flour. It is revealed that Arkhangelsk dialects reflect characteristic phenomena of Russian dialects, such as developed suffixation, gender and number parallelism, and the formation of nouns with collective meanings. These processes contribute to a rich derivational synonymy that is absent in the standard Russian.

Key words:

dialectology; northern Russian dialects; Arkhangelsk dialects; substantivation of adjectives; derivational synonymy; suffixation.

УДК 811.161.1'282.2(571.56+571.65)+81'373.611

DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-8-78-96

Научная специальность ВАК
5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Субстантивация прилагательных и словообразовательная синонимия в архангельских говорах

© Лихачева Е. С., 2024

1. Введение = Introduction

В последние десятилетия отечественными лингвистами всё чаще высказываются мнения о необходимости продолжения исследований в области диалектного словообразования. Долгое время оно оставалось на периферии научных изысканий; при этом активно развивалось словообразование в синхроническом аспекте — выявление актуальных для современного русского языка словообразовательных моделей и деривационных процессов. Между тем для более глубокого понимания явлений современного русского словообразования необходимо обращаться как к историческим, так и к диалектным словообразовательным фактам. Именно в диалектах нередко обнаруживаются утраченные современным языком различные архаические тенденции; также диалекты в меньшей степени, чем литературный язык, подвержены влиянию церковно-книжной традиции, что способствует сохранению их самобытности в том числе и в сфере словопроизводства [Попова, 2008б, с. 193]. Кроме того, в письменных памятниках могут не фиксироваться целые звенья истории отдельных слов, поэтому полноценное её восстановление невозможно при опоре исключительно на письменные памятники, без привлечения диалектных данных [Бабаева и др., 1997, с. 35]. По мнению Л. Н. Булатовой, недостаточное изучение диалектного словопроизводства «отрицательно сказывается и на изучении словообразования в литературном языке» [Булатова, 1953, с. 3]. Л. И. Шелепова также убеждена, что для наиболее точного и полного воссоздания истории слов необходимо привлечение не только исторических, но и диалектных данных [Шелепова, 2012, с. 170; Шелепова, 2014, с. 17]. Кроме того, исследователями также отмечаются богатство, разнообразие диалектных словообразовательных моделей в сравнении с устоявшимися образцами литературного языка [Никитевич, 2013, с. 189]. По мнению В. Д. Лютиковой, диалекты, в отличие от кодифицированных форм языка, располагают «большими словотворческими возможностями» [Лютикова,

1999, с. 112]. Таким образом, изучение словообразования русских говоров значимо как для самой диалектологии, так и для описания современного состояния русского литературного языка.

В диалектной системе русского языка особое место занимают говоры Русского Севера. Если рассматривать русский литературный язык как некий центр, то диалекты по отношению к нему являются своеобразной «периферией». «Центр» при этом — территория инноваций, а «периферия» понимается как «хранилище» архаических тенденций. В этом плане территория Русского Севера с её говорами — вследствие крайней удалённости — является, по выражению С. М. Толстой, «периферией периферии», где архаические языковые черты сохранены наиболее полно и разнообразно [Толстая, 2018, с. 53]. Общеславянское значение и архаичность севернорусских говоров подтверждаются тем, что признаки, по которым они противопоставляются остальным русским диалектам, одновременно объединяют их с другими славянскими языками [Там же]. Поэтому детальное изучение говоров Русского Севера и отразившихся в них культурно-бытовых реалий и мифологических представлений значимо не только для русского языкознания, но и для славистики в целом и является, по словам С. М. Толстой, «насущной задачей для отечественных диалектологов и славистов» [Там же, с. 56].

Среди диалектов Русского Севера особое место занимают архангельские говоры. Долгое время на диалектологических картах русского языка присутствовала лишь южная часть территории их распространения; территория же севернее 62 параллели северной широты находилась вне группировок этих карт. В отдельную группу архангельские говоры были объединены значительно позднее; однако вопрос о целесообразности выделения такой группы, о её характерных признаках, границах и соотнесённости архангельских говоров с административным делением до сих пор остаётся открытым [Нефёдова, 2016, с. 76]. На данный момент архангельские диалекты активно изучаются, различным их аспектам посвящено множество исследований. Находясь, по словам С. М. Толстой, на «периферии периферии», они сохранили, с одной стороны, архаические языковые особенности, а с другой — присущее диалектам разнообразие языковых средств. Поэтому, на наш взгляд, архангельские говоры нуждаются в дальнейшем изучении; исследование же специфики их словопроизводства способно снабдить новыми данными диалектное словообразование.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для настоящей статьи послужила диалектная лексика, отобранная из картотеки кафедры русского языка и речевой культуры Высшей

школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова (САФУ). Хранящийся в картотеке языковой материал собирался с начала 1960-х годов; проводившиеся на протяжении 50 лет диалектологические экспедиции способствовали получению многочисленных и разнообразных данных по архангельским говорам. Все приведённые в статье примеры употреблений слов взяты из картотеки САФУ. Также для настоящего исследования использовались данные «Архангельского областного словаря» под редакцией О. Г. Гецовой, «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» под редакцией А. С. Герда и «Словаря русских народных говоров» под редакцией Ф. П. Филина.

Процессу субстантивации прилагательных в русских говорах посвящены исследования В. Н. Светловой [Светлова, 1969], А. А. Мошевой [Мошева, 1977, 1987], Н. И. Ершовой [Ершова, 2005]. В. Н. Светлова в указанном исследовании выделяет группы подвергающихся субстантивации прилагательных. А. А. Мошева приходит к выводу, что в говорах могут присутствовать практически все типы субстантивированных прилагательных, свойственные литературному языку; тем самым уточняется их классификация, предложенная В. Н. Светловой [Мошева, 1977]. Н. И. Ершова в своём диссертационном исследовании обращает внимание на широкое распространение процесса субстантивации прилагательных в русских говорах Мордовии [Ершова, 2005].

Среди работ, посвящённых словообразованию в русских говорах, отметим труды Л. И. Шелеповой, в которых исследователь на многочисленных конкретных примерах доказывает необходимость привлечения диалектных данных для восстановления полной «биографии» слов [Шелепова, 2012, 2014]. Словообразовательной синонимии в русских диалектах посвящены исследования Т. Н. Поповой [Попова, 2008а, 2008б, 2009]. В указанных работах исследователь подробно рассматривает проблему функционирования в русском диалектном словопроизводстве разнородных словообразовательных компонентов, в частности, широкое распространение в нём «славяно-книжных» суффиксов, способствующих возникновению синонимов.

В настоящем исследовании применяются описательно-аналитический и структурно-семантический методы. Сопоставительный метод используется при обращении к материалам «Архангельского областного словаря», «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» и «Словаря русских народных говоров»; так выявляются сходства и различия не только между архангельскими говорами и другими диалектами Русского Севера, но и в рамках самих архангельских говоров — на основании материалов «Архангельского областного словаря» и картотеки САФУ.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Субстантивация прилагательных в архангельских говорах

Долгое время субстантивация прилагательных в посвящённых ей исследованиях рассматривалась преимущественно в морфологическом и историко-лексикологическом аспектах. Однако в последние десятилетия учёные настаивают на необходимости учитывать значимость и словообразовательного аспекта субстантивации, которая, согласно терминологии В. В. Виноградова, является особым — морфолого-синтаксическим — способом словообразования [Мукашева, 2016, с. 67]. Уделяется в современных исследованиях внимание также когнитивному аспекту субстантивации. Учёные утверждают, что переход адъективной основы в класс субстанциональных слов является не просто формальной сменой функции лексемы и её синтаксической позиции, но «глубокой концептуальной перестройкой лексемы “в духе” новой части речи», «активным многоступенчатым семантическим процессом», «переходом из признаковой области в предметную концептуальную область» [Макарова, 2011, с. 22, 24; Резниченко, 2012, с. 148]. В результате субстантивации прилагательного обозначенный данным мотивирующим прилагательным признак воспринимается уже не характеристикой какого-либо предмета, а «самостоятельной сущностью», «отдельным концептом», более того — самим этим предметом [Макарова, 2011, с. 24].

На данный момент субстантивации прилагательных в русских говорах, как указывалось выше, посвящено немало работ. Отмеченные нами исследования позволяют прийти к выводу, что субстантивация является распространённым словообразовательным процессом в диалектах Тюменской и Свердловской областей, Пермского края, в русских говорах Мордовии. Архангельские же говоры до сих пор не рассматривались с этой точки зрения. Выясним, какое отражение находит процесс субстантивации прилагательных в лексике архангельских говоров, обозначающей пищу, и какова в данном случае его специфика.

Наблюдения над указанной лексикой показывают, что субстантивация прилагательных свойственна словам тематической группы «Выпечка». Сюда, в частности, относятся прилагательные, характеризующие выпечку по свойствам её муки. Одним из таких свойств является цвет; выпечку из пшеничной муки в архангельских говорах называют *белой*. Субстантивации в данном случае подвергается форма среднего рода единственного числа прилагательного *белый* (как в полной, так и в стяжённой форме); результатом данного процесса становится субстантиват *белое* / *бело*. Приведём примеры: На праздник мно́го пришлось творить, видь *бе́лого* мно́го на́до бы́ло (Вельский район); А штó *бе́лого*, э́того не ём, всё ржанйнку,

всё ржанінку (Мезенский район); Пекۇт и бѣло волóжно, а всё-то бóльше жітно // Жітного, бѣлого натворім (Холмогорский район). Данные примеры показывают, что процесс субстантивации здесь можно считать состоявшимся, полностью завершённым: прилагательное *белое* / *бело* уверенно закрепилось в архангельских говорах в значении существительного ('выпечка из пшеничной муки') и в его функциях, сохранив при этом особенность адъективного склонения.

С названиями отдельных компонентов теста связано субстантивированное прилагательное *меловó*. *Меловым* в архангельских говорах называлось замешенное на молоке дрожжевое тесто. В основе прилагательного лежит диалектное наименование дрожжей — *мел*; в частности, такое значение слова *мел* находим в новгородских диалектах [СРГК, вып. 3, с. 218]. *Мелком* называют дрожжи, согласно данным картотеки САФУ, и в архангельских говорах. Нетрудно заметить, что в основу субстантивации вновь легла форма среднего рода прилагательного *меловой*, причём только в стяжённой форме. Приведём примеры: Оні пришілї, да ма́ма-то и *меловó* раство́рила (Виноградовский район); *Меловó* раство́ряют то́же, молока́ налью́т, дрожже́й, со́ли да му́ки жітної. // *Меловó* раство́ряют и ша́ньги пекۇ́т. // На́до *меловó* поста́вить. // В ла́дках *меловó* месі́ли. // *Меловó* раство́рять в ла́дке. // *Меловó* на́до раство́рить, захотё́лось жітных ша́нег. // На́ть *меловó* раство́рить на ша́ньги, у меня́ *меловó* не раство́рено. // *Меловó* раство́рила в де́сять часо́в. // *Меловó-то* раство́ряют муто́вкой (Холмогорский район). Отметим, что в картотеке зафиксирован только один пример употребления слова *меловой* в функции прилагательного: Я́ совсе́м забы́ла развести́ вчера́ *мелово́е те́сто*, оста́влю́ все́х без хлѣ́ба на́ день (Холмогорский район). В данном случае перед нами не только полноценное сочетание прилагательного и существительного, но и полная, а не стяжённая форма прилагательного. Примеры убедительно показывают, что субстантивацию прилагательного *меловой* можно считать полностью состоявшимся процессом. Это также подтверждает единичный пример употребления субстантивата во множественном числе: Дава́й раство́рь *мелова́* (Холмогорский район).

По-видимому, прилагательное *меловой* не только окончательно субстантивировалось, характеризуя тесто, но и начало субстантивироваться, обозначая виды выпечки из подобного теста. Об этом свидетельствует один из примеров, где вместо сочетания *меловые шаньги* используется субстантиват во множественном числе *меловы́*: *Меловы́-ти* пеклі́ из жі́та, на со́чнях изо ржі́, ска́ли пиро́жниками (Холмогорский район). На основании только одного примера мы, разумеется, не можем судить о специфике и распространённости данного процесса, однако само его наличие, несомненно, показательное.

Присутствуют в архангельских говорах и прилагательные, характеризующие выпечку по сырью, из которого изготавливается мука. Таково, в частности, прилагательное *житный*, образованное от существительного *жито*. Заметим, что указанное существительное имеет в архангельских говорах несколько значений, однако наиболее распространёнными из них являются значения ‘ячмень’ и ‘зерно ячменя’. Это подтверждают данные как Архангельского областного словаря, так и диалектологической картотеки САФУ [АОС, вып. 14, с. 163—164]. Таким образом, одним из основных значений прилагательного *житный* следует считать ‘приготовленный из ячменя или продуктов его обработки’. В картотеке САФУ представлено множество примеров реализации этого значения, зафиксированных в различных районах Архангельской области: И напекѣм *жітны* пироги (Вельский район); Шанѣжки на *жітной* мукѣ дак (Каргопольский район); Шанѣжек напекѣт *жітных* (Мезенский район); Наварім каши *жітной* да нахлебѣемся (Онежский район) и т. д. Как и в случае с прилагательными *белый* и *меловой*, в архангельских говорах для выражения значения ‘выпечка из ячменной муки’ субстантивации также подвергается форма среднего рода единственного числа прилагательного *житный* — *житное*. Заметим, что субстантивированная форма указанного прилагательного не только встречается во многих районах Архангельской области, но и сохраняет фонетический облик, свойственный вариантам прилагательного: *житное* / *житно* / *житнее* / *житне*: Раньше пшенично да *жітно* пеклі (Вельский район); *Жітно-то* одно пекчі хúdo (Каргопольский район); Бывало, хлѣб пеклі, всё *жітне* ёли (Лешуконский район); Я *жітнего* испекла. // *Жітного* много ёли (Мезенский район); Вѣдь одного *жітного* не испекѣшь. // Захотѣлось *жітного* (Онежский район); *Жітно* и на простокваши, и пресном — цѣм приведѣце. // Пекут и бѣло волóжно, а всё-то бóльше *жітно*. // Картошки я не ём, *жітного* то́жо. // *Жітно* давали. // *Жітного*, бѣлого натворім. // Навернó *жітно* одно (Холмогорский район). На наш взгляд, в данном случае также можно говорить о субстантивации как завершённом процессе. Так как распространённое в архангельских говорах прилагательное *житный* подверглось субстантивации — обрело «предметность» — только при обозначении выпечки, можно предположить, что данная тематическая группа — «Выпечка» — занимает значимое место в северной картине мира.

Необходимо заметить, что в говорах зафиксированы примеры субстантивации прилагательного *пшеничный* — и вновь это форма среднего рода единственного числа — при обозначении выпечки из пшеничной муки: Раньше *пшенично* да жітно пеклі (Вельский район). Однако мы не можем определить, в какой мере процесс субстантивации осуществился в данном

случае: во-первых, примеры с указанным прилагательным единичны, а во-вторых, зафиксированы только на территории Вельского района. Видимо, в большинстве архангельских говоров при обозначении изделий из пшеничной муки акцент сделан именно на её цвете; прилагательное *белый* призвано напоминать о том, что эта мука, в отличие от неотбелённой, «серой», — более дорогая, «чистая», «тонкая»; из неё, как правило, не пекут в будние дни, и «белая» выпечка — *белое* — является атрибутом праздника. Связь *белого* и праздников отражена в примерах: На прázник мно́го пришлòсь творить, видь *бéлого* мно́го нáдо бýло (Вельский район). Бóльшая частота употребления субстантивата *житное* в сравнении с субстантиватом *белое* также может свидетельствовать об их концептуальном противопоставлении в картине мира носителей архангельских говоров по принципу «повседневное — праздничное».

Говоря о процессе субстантивации в тематической группе «Выпечка», необходимо также отметить прилагательное *блинчатый*. Данные картотеки САФУ позволяют сделать вывод, что в архангельских говорах указанное прилагательное употребляется обычно в сочетаниях — с существительными *блины* и *пироги* — и, как правило, во множественном числе. В первом случае возникает тавтологическое, однако распространённое в Холмогорском районе сочетание *блины блинчатые* со значением ‘стопка блинов, переложенных начинкой из творога и изюма’. В этом сочетании прилагательное не используется без существительного и, соответственно, не подвергается субстантивации: *Блины́ блíнчатые* пекли́ (Холмогорский район). Иная ситуация с прилагательным наблюдается во втором сочетании. Под *блинчатыми пирогами* в архангельских говорах подразумеваются ‘тонкие пироги из пшеничной или ячменной муки с начинкой из крупы и толокна’. Наблюдения показывают, что в данном случае при использовании полной, нестяжённой формы прилагательного — *блинчатые* — обязательно и употребление существительного: *Пирогí блíнчатые* скусны́е. // К прázнику мы́ рáньше всё блíнчатые пироги́ дéлали. // Блíнчатых пирогóв испекла́. // Блíнчатые пироги́ с пшенóм я́ люблю́ (Каргопольский район). Стяжённая форма данного прилагательного представлена в говорах «цокающими» фонетическими вариантами *блинчатые* / *блинцаты* / *блинцаты*; именно на её основе формируется заменяющий сочетание *блинчатые пироги* субстантиват *блинчатые*. Приведём примеры: Блины́, шаньги, блíнчатые ёли. // Блíнцаты пекúт из бéлой да из жýтной мукí. // Блíнцаты — жýтны блíны (Каргопольский район); Блíнцаты пекúт с бéлой мукí, как блины́ пекúтся. Зажíнивают или толокно́м, или рисо́м. // На сто́л ставили блíнцаты. // Блинцаты то́ньше эти́х, шанёг, на одно́й водé. Их начиня́ют то́ ли пшéном та́м, рисо́м, толокно́м етё́ начиня́ют (Плесецкий район). На наш взгляд,

можно говорить о полной субстантивации прилагательного *блинчатый* в данном значении — по крайней мере, в говорах Каргопольского и Плещеевского районов.

Наконец, в тематической группе «Выпечка» архангельских говоров обнаруживается пример субстантивации причастия. Следует отметить, что причастия могут подвергаться этому процессу, минуя этап промежуточной адъективации; в таких случаях субстантиваты сохраняют грамматические глагольные значения [Мукашева, 2016, с. 69]. Отмеченное в говорах причастие *стряпаное* субстантивируется именно таким образом. Указанное причастие образовано от глагола несовершенного вида *стряпать*, имеющего на территории Архангельской области два значения: ‘готовить пищу’, ‘заниматься выпечкой’. В данном случае мы вновь наблюдаем процесс субстантивации только в одном из значений слова. Причастие *стряпаное* получает значение ‘выпечка’, однако не используется в значении ‘приготовленная пища’: А жёнки прибежат туда, целы корзины принесут *стряпаново-то* (Красноборский район). Отметим, что у образовавшегося субстантивата в архангельских говорах есть синоним, употребляющийся значительно чаще, — существительное *стряння* в значении ‘выпечка’: Раньше, бывало, к празднику-то столько *стряпни* надёлаем, что потом ещё долго хватало. // Это-то и сейчас пекут, это *стряння* (Каргопольский район); Из *стряпни-то* ничего больше не пекли (Онежский район); Испекём когда шанёжок, плюшек да *стряпни*, дак в кастрюле растворим. // *Стряння-то* така сегодня худá (Холмогорский район). Казалось бы, наличие подобного синонима не должно способствовать запуску процесса субстантивации причастия, необходимость в этом отсутствует — явление уже имеет своё обозначение. Однако этот процесс зафиксирован, отмечен. Количество представленных нами примеров субстантивации не позволяет говорить о том, что данный процесс распространён в архангельских говорах — по крайней мере, в лексико-семантической группе «Пища»; однако большинство этих случаев относится к тематической группе «Выпечка». Пока мы можем лишь вновь предположить значимость слов данной тематической группы для картины мира, отражённой в архангельских говорах, что, разумеется, не объясняет особенностей возникновения и протекания в них субстантивации.

3.2. Словообразовательная синонимия с корнем *суш-*

Отечественные исследователи отмечают исключительное разнообразие суффиксальных моделей в субстантивном диалектном словообразовании [Попова, 2008а, с. 225]. По мнению М. Ф. Моисеенко, суффиксальная синонимия развита и представлена в русских говорах в большей степени, чем в литературном языке [Моисеенко, 1963, с. 234]. Существование в говорах развитой словообразовательной синонимии, отсутствующей в лите-

ратурном языке, свидетельствует о том, что диалекты и на уровне деривации тесно связаны с историей развития общенародного языка. Выясним, какое отражение словообразовательная синонимия находит в лексико-тематической группе «Пища» архангельских говоров.

В этом плане показателен синонимический ряд существительных со значением ‘мелкая сушёная рыба’. В основе всех компонентов этого ряда лежит фонетический вариант корня *сух-* — *суш-*: *сушчик* / *сущик* / *сушьё* / *сушьё* / *сушкí*. Первым компонентом является существительное мужского рода *сушчик* с суффиксом *-чик* с уменьшительным значением. По-видимому, значительную роль при выборе именно уменьшительного суффикса сыграла одна из сем значения — ‘мелкая’. Приведём примеры употребления этого слова: Из *сушчика* вари́ли — ры́ба ме́лкая суха́я. // *Сушчик* — э́то суше́на ры́ба. // Отобра́ли и *сушчик* у ме́ня (Каргопольский район). Второй компонент синонимического ряда — *сущик* — является фонетическим вариантом первого; происходит объединение корня и суффикса существительного *сушчик* в результате ассимиляции по способу образования. Являясь результатом опрощения, существительное *сущик* находит большее распространение в архангельских говорах: В войну́-то, быва́ло, ча́сто *сущик* е́ли. // Дава́й-ко *сущику* сва́рим. // *Сущику-то* мы́, быва́ло, мно́го продава́ли. // Мо́й-то зя́ть *сущику* мно́го налови́л. // Нагото́вили *сущика* ле́том. А зимо́й вку́сна уха́ из *сущика* (Каргопольский район); Суп сва́ри из *сущика* (Красноборский район); Вчера́ вари́ла уху́ из *сущика*. // Ры́бу невода́ми лови́ли и суши́ли *сущик*. // Уху́ из *сущика* вари́ли (Няндомский район); *Сущик* — ры́ба вы́сушенная (Пинежский район); За *сущиком* ходи́ли. // Увези́-ко с собо́й *сущика* (Плесецкий район); Сва́рим уху́ сейча́с из *сущика* (Холмогорский район). Примеры показывают, что данные два компонента синонимического ряда наиболее употребительны в Каргопольском районе.

Третий и четвёртый компоненты ряда, существительные *сушьё* и *сушьё*, относятся к среднему роду. В данном случае к корню *суш-* присоединён суффикс *-ё* со значением собирательности, а существительное *сушьё* выступает фонетическим вариантом исходного *сушьё*. Собирательные существительные, по наблюдениям исследователей, находят широкое распространение в диалектах [Ховрина, 2017, с. 145]. Среди них особое место занимают образования с суффиксом *-ё*, которые считаются общеславянским словообразовательным типом, «первичными» собирательными существительными [Азарх, 1984, с. 146]. Заметим, что *сушьё* является самым распространённым из компонентов указанного синонимического ряда в архангельских говорах; *сушьё* же встречается значительно реже. Приведём примеры: Уху́-то на́ть из *сушья́* сва́рить (Верхнетоемский район);

Надо бы на зиму *сушья* заготовить (Виноградовский район); *Сушьё* — это сушёная рыба (Каргопольский район); Я приеду у тебя *сушья* ъсь. // Гли-ко, кот-то коль ёмок, всё *сушьё* съёл. // *Сушья* натолкём, молоком наразвóдим. // Только пять лопáток высушила *сушья-то* (Онежский район); Я сёдни ухú из *сушья* варила. // Много насушила *сушья-то*, на всю зиму хвátит (Пинежский район); На *сушьё-то* больши сорóга шлá. // *Сушья* могу дáть на варю (Плесецкий район); Из *сушья* мáть отцú всегда варила ухú на опохмёлку. // Сдáй *сушьё-то* в лáвку, бýстро разберúт. // В прошлóую зиму *сушья* мнóго было. // Зимóй из *сушья* ўшки похлебáем (Холмогорский район). Заметим, что именно с собирательным существительным *сушьё* употребляются различные прилагательные, характеризующие сушёную рыбу по её названию, по месту её обитания: Хорошá ухá из *ериóвого сушья* (Виноградовский район); На рыночной плóщади мáсло, твóрог возíли, мёлко *озёрно сушьё* возíли. // Продáй да продáй, Áнна наказывала, *морского сушья* хóцёт. // *Сельдяного сушья* понараскáтывают (Онежский район). Благодаря этому усиливается отличающая собирательные существительные семантика совокупности, целостности [Яцкевич, 2010, с. 176].

Последним компонентом рассматриваемого синонимического ряда является существительное в форме множественного числа — *сушкí*. Таким образом, данный синонимический ряд отличается числовым параллелизмом. По-видимому, существительное *сушкí* является наименее употребительным из всех синонимов — единственный пример с ним зафиксирован только в Плесецком районе: *Сушкí* в коробáх держáли. Итак, три компонента ряда — *сушьё* / *сушьё* / *сушкí* — несут семантику множественности; однако если в примере *сушкí* эта множественность подразумевает разделение (поддающееся исчислению количество мелкой сушёной рыбы), то примеры *сушьё* / *сушьё* фиксируют семантику неделимой, «нерасчленённой», согласно терминологии Ю. С. Азарх, множественности (сушёная рыба репрезентируется как однородная масса) [Азарх, 1977, с. 190].

3.3. Словообразовательная синонимия слова *дёжень*

В «Архангельском областном словаре» зафиксировано два значения существительного *дёжень*: ‘жидкое недрожевое тесто’, ‘кушанье из творога и толокна, замешенного на молоке, воде или простокваше’ [АОС, вып. 10, с. 423]. Материалы картотеки САФУ демонстрируют нам некоторые отличия от данных «Архангельского областного словаря». Во-первых, в картотеке САФУ значение ‘жидкое недрожевое тесто’ представлено единичными примерами, в то время как зафиксировано и распространено ещё одно значение существительного *дёжень* — ‘раствор из молока и муки или крупы, которым поливали шаньги при выпекании’. Во-вторых, данные картотеки показывают, что вследствие частоты употребления и распро-

странения в различных районах Архангельской области первым значением этого слова следует считать именно ‘кушанье из творога и толокна’, а не ‘особый вид теста’ или ‘раствор для шанег’. В «Словаре русских народных говоров» данное значение существительного *дѣжень* также является первым [СРНГ, вып. 7, с. 333—334]. По-видимому, *дѣжень* являлся весьма распространённым на территории Архангельской области блюдом. Об этом свидетельствует не только множество примеров употребления данного существительного, но и связанная с ним словообразовательная синонимия. Обратимся к данным картотеки САФУ.

Синонимический ряд существительных для значения «кушанье из творога и толокна, замешенного на молоке, воде или простокваше» представлен следующими компонентами: *дѣжень* / *деженёк* / *дежѣнь* / *дежнѣя* / *дежѣнье*. Доминантой, исходной точкой данного синонимического ряда следует считать существительное *дѣжень* с обладающим «яркой диалектной спецификой» суффиксом *-ень* [Лунькова, 2014, с. 110]. Приведём примеры: *Дѣжень* надо замешать (Вилегодский район); Схожѹ замешѹ вам *дѣжень* со сметаной (Пинежский район); Я ешшо делаю *дѣжень*, месили творог с толокном и заливали простоквашей со сметаной (Шенкурский район). Нередко в говорах встречаются различные фонетические варианты этого слова — с переносом ударения на второй слог (*дежѣнь*), со сменой корневой или суффиксальной гласной (*дѣжинь*), а также с обоими этими изменениями (*дижѣнь*, *дежѣнь*): В дѣтстве-то мы, бывало, всё *дижѣнь* ёли (Вельский район); А по прѣзникам-то биловил я ребѣток-то *дежнѣм*, сливок много накладѹ и толокнѣ-то им поденпѹ — пѹсть порадуются. // *Дежѣнь* — грѹдочок накопѣть да толокнѣ (Вилегодский район); Иногда мать *дежѣнь* готѣвила (Ленский район); *Дежнѣя* намешѣла ёй (Няндомский район); А по прѣзникам бѣбушка всегда готѣвила ѳчень вкѹсный *дежѣнь*. // А мужик мѳй *дежѣнь-то* любил (Устьянский район). Уменьшительно-ласкательное значение существительному *дѣжень* придаѣтся при помощи суффикса *-ѣк-*: Немного *деженѣкѹ* надѣлала (Няндомский район).

Следующий компонент синонимического ряда, существительное *дежёнъ*, полностью идентичен одному из вариантов слова *дѣжень* по звучанию и значению. Однако контекст из Вилегодского района показывает, что это слово может склоняться как существительное женского рода: Принесли блюдо с *дежёнью*. Примеры употребления существительного *дежёнъ* в женском роде единичны, однако можно предположить, что здесь перед нами один из случаев родового параллелизма — причём в пределах одного слова. По наблюдениям исследователей, в русских говорах родовой параллелизм, в отличие от системы литературного языка, представлен широко и последовательно [Попова, 2008а, с. 230].

Примером родового параллелизма по отношению к доминанте синонимического ряда является и существительное женского рода *дежнѣя*. Исследования показывают, что существительные на *-н(я)* являются одним из активных словообразовательных типов в русских диалектах [Попова, 2009, с. 91]. Приведём примеры: *Дежнѣй* звали простоквѣшу с толокнцем. // Мама часто в пѣчку *дежню* ставила, как простоквѣша вѣт да толокна намолѣли (Вельский район); Толокно на простоквѣше намѣшано — во и *дежнѣя* (Красноборский район). Возникновение в русских говорах коррелятов женского рода, когда, казалось бы, в этом отсутствует необходимость, вызывает у учёных множество вопросов. М. М. Валенцова выделяет несколько причин возникновения родовых дублетов у неодушевлённых существительных: экстралингвистические факторы (стереотипы мышления, мифология, культурные традиции), нестабильность заимствованных существительных, принадлежность дублетов к разным диалектным системам, «застывание» более старого из дублетов в составе фразеологизмов и т. д. [Валенцова, 2011, с. 48—49]. Согласно классификации М. М. Валенцовой, родовые оппозиции *дежѣнь* / *дежѣнь*, *дежѣнь* / *дежнѣя* можно отнести к «немотивированным» случаям родового параллелизма, которые не объясняются ни экстралингвистическими факторами, ни собственно языковыми причинами [Там же, с. 49].

Завершает рассматриваемый синонимический ряд собирательное существительное среднего рода *дежѣнье*, образованное от фонетического варианта слова *дежѣнь* — *дежѣнь*. Как и в словах *сушьѣ* / *сушьѣ*, значение собирательности здесь обеспечивает суффикс *-ье*: *Дежѣнье* — это с простоквѣшей толокно (Вельский район). Специфика значения слова *дежѣнь* ('кушанье из молочных продуктов, однородная масса') позволяет существование словообразовательного синонима с собирательным значением (*дежѣнье*), однако не допускает синонима во множественном числе, где множество мыслится «раздельным» (как в случае с примерами *сушьѣ* / *сушкѣ*).

4. Заключение = Conclusions

Рассмотрев некоторые словообразовательные процессы в лексике архангельских говоров, связанной с пищей, мы можем сделать следующие выводы.

В рамках лексико-семантической группы «Пища» процесс субстантивации прилагательных не является распространённым. Исключение составляет тематическая группа «Выпечка», в пределах которой отмечено несколько случаев данного процесса. В большинстве этих случаев субстантивации подвергается форма среднего рода единственного числа прилагательного.

Субстантиватами становятся прилагательные, характеризующие выпечку по цвету муки и отдельных компонентов теста, а также по сырью, из которого производится мука. Отмечены два случая образования субстантиватов на основе формы множественного числа прилагательных; первый из них характеризует выпечку по внешнему виду, а второй — по свойствам теста. Образованные субстантиваты, как правило, употребляются носителями говоров в стяжённых формах. Во всех случаях, за исключением субстантиватов *пшенично* и *меловы́*, можно говорить о субстантивации прилагательных как о состоявшемся, завершённом процессе. Также нами отмечен единственный случай субстантивации причастия — в архангельских говорах причастие *стряпаное* может использоваться в значении ‘выпечка’.

В пределах лексико-семантической группы «Пища» присутствуют примеры словообразовательной синонимии. Одним из них является синонимический ряд существительных с корнем *суш-* со значением ‘мелкая сушёная рыба’. В рамках данного ряда синонимия может строиться на фонетических различиях, числовом параллелизме, противопоставлении формы множественного числа существительного и собирательного существительного. Благодаря суффиксам значение существительных-синонимов наделяется различными нюансами: так, уменьшительное значение суффикса *-чик* в слове *сушчик* активизирует сему ‘мелкая’, значение нераздельной множественности суффикса *-бѣ* в слове *сушбѣ* способствует восприятию сушёной рыбы как однородной массы.

Словообразовательная синонимия также отмечена среди производных от существительного *дѣжень* со значением ‘кушанье из творога и толокна, замешенного на молоке, воде или простокваше’. Синонимия в данном случае выстраивается на многочисленных фонетических различиях, родовом параллелизме, противопоставлении формы единственного числа существительного и собирательного существительного. Вновь демонстрирует продуктивность суффикс с собирательным значением *-бе*, указывающий на однородность кушанья из творога (*дежѡ́нье*).

Наблюдения над словообразовательными процессами в рамках лексико-семантической группы «Пища» позволяют говорить о том, что архангельским говорам в разной мере свойственны отмеченные исследователями тенденции существования и развития русских диалектов. Таковыми являются, в частности, словообразовательная синонимия с развитой суффиксацией, обеспечивающей существование обширных синонимических рядов, и субстантивация прилагательных, которая, не находя широкого распространения в лексико-семантической группе «Пища», тем не менее характеризуется завершёчностью процесса и устойчивостью образованных субстантиватов.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. АОС — *Архангельский областной словарь* / под ред. О. Г. Гецевой. — Москва : Изд-во МГУ, 1980—2020. — Вып. 1—21. — ISBN 5-02-011621-1.
2. СРГК — *Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей* / под ред. А. С. Герда. — Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1994—2005. — Вып. 1—6. — ISBN 5-288-00963-5.
3. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / под ред. Ф. П. Филина. — Ленинград (Санкт-Петербург) : Наука, 1965—2023. — Вып. 1—52. — ISBN 5-02-027894-7.

Литература

1. Азарх Ю. С. К истории собирательных типа *братья, зверьё* в русском языке / Ю. С. Азарх // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. — Москва : Наука, 1977. — С. 189—210.
2. Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка / Ю. С. Азарх. — Москва : Наука, 1984. — 247 с.
3. Булатова Л. Н. Отглагольные существительные на *-нье, -тье* в русских говорах / Л. Н. Булатова // Труды Института языкознания. — Москва : Изд-во АН СССР, 1957. — Т. VII. — С. 291—367.
4. Валенцова М. М. Функционирование категории рода в диалектах / М. М. Валенцова // Филологическая регионалистика. — 2011. — № 2. — С. 46—52.
5. Ершова Н. И. Субстантивная транспозиция прилагательных в русских говорах на территории Мордовии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Н. И. Ершова. — Саранск, 2005. — 234 с.
6. Лунькова Е. С. Функционирование суффикса *-ень* в смоленских говорах / Е. С. Лунькова // Севернорусские говоры. — 2014. — № 13. — С. 108—117.
7. Лютикова В. Д. Языковая личность и идиолект / В. Д. Лютикова. — Тюмень : Изд-во Тюменского университета, 1999. — 185 с. — ISBN 5-8808-138-7.
8. Макарова Е. А. Субстантивация прилагательных : когнитивный аспект / Е. А. Макарова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2011. — № 10. — С. 22—25.
9. Моисеенко М. Ф. Существительные с нулевым суффиксом и суффиксом *-ка* в русских говорах Казанского Поволжья / М. Ф. Моисеенко // Тезисы докладов на 9 диалектологическом совещании 15—18 мая 1963 г. — 1963. — Т. 150. — Книга 6. — С. 207—242.
10. Мошова А. А. К вопросу о воздействии литературного языка на диалект (на материале отадъективного словообразования в акчимском говоре) / А. А. Мошова // Литературный язык и народная речь : межвузовский сборник научных трудов. — Пермь : ПГУ, 1977. — С. 54—62.
11. Мошова А. А. Субстантивация в синхроническом и диахроническом аспектах (на материале диалектного словообразования) / А. А. Мошова // Дери́вация и история языка : межвузовский сборник научных трудов. — Пермь : ПГУ, 1987. — С. 29—37.
12. Мукашева Г. А. Субстантивация прилагательных и причастий как способ словообразования / Г. А. Мукашева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2016. — Т. 5. — № 2 (15). — С. 67—70.

13. Нефёдова Е. А. О месте архангельских говоров в диалектном членении русского языка / Е. А. Нефёдова // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. — 2016. — № 4. — С. 75—89.
14. Никитевич А. В. Мотивация лексическая, словообразовательная и «внутренняя форма» диалектного слова / А. В. Никитевич // Славянские народы и их культуры : традиция и современность : сборник научных статей. — Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2013. — С. 188—190. — ISBN 978-985-439-833-4.
15. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» / Е. Э. Бабаева, А. Ф. Журавлёв, И. И. Макеева // Вопросы языкознания. — 1997. — № 2. — С. 34—46.
16. Попова Т. Н. Когнитивный аспект русского диалектного словообразования / Т. Н. Попова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2009. — № 2 (19). — С. 88—97.
17. Попова Т. Н. Словообразовательная синонимия в русском диалектном словопроизводстве / Т. Н. Попова // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. — 2008а. — Т. 150. — Книга 6. — С. 225—236.
18. Попова Т. Н. Теоретические проблемы русского диалектного словообразования / Т. Н. Попова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. — 2008б. — Вып. 1. — Ч. II. — С. 193—200.
19. Резниченко Л. В. Концептуальная деривация как основа формирования значений субстантивированных имён прилагательных / Л. В. Резниченко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2012. — № 2. — Т. 1 : Филология. — С. 146—154.
20. Светлова В. Н. Субстантивированные прилагательные в говорах Свердловской и Тюменской областей / В. Н. Светлова // Учёные записки Свердловского государственного педагогического института. — 1969. — № 96. — С. 21—31.
21. Толстая С. М. Говоры Русского Севера на общеславянском фоне / С. М. Толстая // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. — 2018. — № 6 (175). — С. 53—59. — DOI: 10.15393/uchz.art.2018.210.
22. Ховрина Т. К. Словообразовательные и семантические особенности собирательных существительных в ярославских говорах / Т. К. Ховрина // Вестник Костромского государственного университета. — 2017. — Специальный выпуск. — С. 145—148.
23. Шелепова Л. И. Данные диалектов и история русского слова (словообразовательный и семантический аспекты) / Л. И. Шелепова // Филология и человек. — 2014. — № 1. — С. 16—30.
24. Шелепова Л. И. Диалектное словообразование и этимология русского слова / Л. И. Шелепова // Известия Алтайского государственного университета. — 2012. — № 2 (74). — Т. 2. — С. 169—174.
25. Яцкевич Л. Г. Русское формообразование. Процессы деграмматикализации и грамматикализации / Л. Г. Яцкевич. — Вологда : ВГПУ, 2010. — 280 с. — ISBN 978-5-87822-417-8.

*Статья поступила в редакцию 19.06.2024,
одобрена после рецензирования 25.09.2024,
подготовлена к публикации 10.10.2024.*

Material resources

AOS — Getsova, O. G. (ed.). (1980—2020). *Arkhangelsk Regional Dictionary, 1—21*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. ISBN 5-02-011621-1. (In Russ.).

- SRGK — Gerd, A. S. (ed.). (1994—2005). *Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions, 1—6*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University. ISBN 5-288-00963-5. (In Russ.).
- SRNG — Filin, F. P. (1965—2023). *Dictionary of Russian folk dialects, 1—52*. Leningrad (Saint Petersburg): Nauka. ISBN 5-02-027894-7. (In Russ.).

References

- About the project “Historical dictionary of the modern Russian language”. (1997). *Questions of linguistics*, 2: 34—46. (In Russ.).
- Azarch, Yu. S. (1977). On the history of collective types of brothers, beasts in the Russian language. In: *General Slavic linguistic Atlas. Materials and research*. Moscow: Nauka. 189—210. (In Russ.).
- Azarkh, Y. S. (1984). *Word formation and formation of nouns in the history of the Russian language*. Moscow: Nauka. 247 p. (In Russ.).
- Bulatova, L. N. (1957). Verbal nouns in Russian dialects. In: *Proceedings of the Institute of Linguistics, VII*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 291—367. (In Russ.).
- Ershova, N. I. (2005). *Substantive transposition of adjectives in Russian dialects on the territory of Mordovia*. PhD Diss. Saransk. 234 p. (In Russ.).
- Khovrina, T. K. (2017). Word-formation and semantic features of collective nouns in Yaroslavl dialects. *Bulletin of Kostroma State University. Special issue*. 145—148. (In Russ.).
- Lunkova, E. S. (2014). The functioning of the suffix -en in Smolensk dialects. *Northern Russian dialects*, 13: 108—117. (In Russ.).
- Lyutikova, V. D. (1999). *Linguistic personality and idiolect*. Tyumen: Publishing House of the Tyumen University. 185 p. ISBN 5-8808-138-7. (In Russ.).
- Makarova, E. A. (2011). Substantiation of adjectives: cognitive aspect. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 10: 22—25. (In Russ.).
- Moiseenko, M. F. (1963). Nouns with a zero suffix and a suffix -ka in Russian dialects of the Kazan Volga region. *Abstracts of reports at the 9th dialectological meeting on May 15—18, 1963*, 150 (6): 207—242. (In Russ.).
- Mosheva, A. A. (1977). On the issue of the impact of literary language on dialect (based on the material of subjective word formation in the Akchim dialect). In: *Literary language and folk speech: an interuniversity collection of scientific papers*. Perm: PSU. 54—62. (In Russ.).
- Mosheva, A. A. (1987). Substantiation in synchronic and diachronic aspects (based on the material of dialect word formation). In: *Derivation and the history of language: an interuniversity collection of scientific papers*. Perm: PSU. 29—37. (In Russ.).
- Mukasheva, G. A. (2016). Substantiation of adjectives and participles as a way of word formation. *Baltic Humanitarian Journal*, 5 / 2 (15): 67—70. (In Russ.).
- Nefedova, E. A. (2016). On the place of Arkhangelsk dialects in the dialect division of the Russian language. *Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology*, 4: 75—89. (In Russ.).
- Nikitevich, A. V. (2013). Motivation of lexical, word-formation and “internal form” of a dialect word. In: *Slavic peoples and their cultures: tradition and modernity: a collection of scientific articles*. Gomel: F. Skarina State University. 188—190. ISBN 978-985-439-833-4. (In Russ.).
- Popova, T. N. (2009). The cognitive aspect of Russian dialect word formation. *Questions of cognitive linguistics*, 2 (19): 88—97. (In Russ.).

- Popova, T. N. (2008b). Theoretical problems of Russian dialect word formation. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9, 1 (II)*: 193—200. (In Russ.).
- Popova, T. N. (2008a). Word-formation synonymy in Russian dialect word production. *Scientific notes of Kazan State University. Humanities, 150 (6)*: 225—236. (In Russ.).
- Reznichenko, L. V. (2012). Conceptual derivation as the basis for the formation of the meanings of substantive adjectives. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin, 2 / 1: Philology*: 146—154. (In Russ.).
- Shelepova, L. I. (2014). Data of dialects and the history of the Russian word (word-formation and semantic aspects). *Philology and man, 1*: 16—30. (In Russ.).
- Shelepova, L. I. (2012). Dialect word formation and etymology of the Russian word. *Proceedings of the Altai State University, 2 (74) / 2*: 169—174. (In Russ.).
- Svetlova, V. N. (1969). Substantive adjectives in the dialects of the Sverdlovsk and Tyumen regions. *Scientific notes of the Sverdlovsk State Pedagogical Institute, 96*: 21—31. (In Russ.).
- Tolstaya, S. M. (2018). Dialects of the Russian North on a common Slavic background. *Scientific notes of Petrozavodsk State University, 6 (175)*: 53—59. DOI: 10.15393/uchz.art.2018.210. (In Russ.).
- Valentsova, M. M. (2011). Functioning of the category of gender in dialects. *Philological regionalism, 2*: 46—52. (In Russ.).
- Yatskevich, L. G. (2010). *Russian shaping. The processes of degrammaticalization and grammaticalization*. Vologda: VSPU. 280 p. ISBN 978-5-87822-417-8. (In Russ.).

*The article was submitted 19.06.2024;
approved after reviewing 25.09.2024;
accepted for publication 10.10.2024.*